

Эти заметки Лева писал, будучи тяжело больным, в Мюнхене, у Юли. Лева оказался очень мужественным человеком. Без возможности говорить, способный общаться только при помощи записок, постоянно прикрепленный к штативу с питанием, которое шло через капельницу в тонкую кишку, он ни на минуту не терял интерес к жизни.

Каждое утро раздавался его требовательный звонок, и внуки уже знали, что надо срочно ехать в киоск за свежим номером "Suddeutsche Zeitung", которую он внимательно просматривал. Новости по НТВ он неукоснительно смотрел.

И, как только самочувствие позволяло, он подталкивал свой штатив к письменному столу и садился работать над своей новой монографией. Когда материалы к книге, которые привезла Рут, подошли к концу, он, по настоянию близких, сел писать воспоминания. Их то я только что внесла в компьютер, чтобы разослать по электронной почте родным - Рут, Юле и Мише.

Мне было очень тяжело их печатать. Перед глазами прошла вся наша жизнь, которая так несправедливо быстро пролетела. Тяжело еще потому, что ужасно жаль Леву - человек более чем достойный, он всю жизнь себя недооценивал, занимался самодостатком. На самом деле Лева фигура уникальная. Он всегда говорил правду - это в нашей - то стране! - не взирая на лица был всегда честен в своих оценках искусства, был высоко нравственным человеком. Прожить жизнь при советской власти с такими свойствами характера - нелегко. Но именно так прошел его жизненный путь.

Когда во время похорон выступали его коллеги, я только думала об одном - почему ему не дано было услышать эти слова - уважительные, теплые, личные, которые свидетельствовали о том, какое место он занимал в жизни этих людей и в послевоенной культурной жизни Эстонии. Это были не формальные слова, которые произносятся на панихидах, а чувствовалось, что эти люди говорят очень по-человечески и искренне.

Поскольку Левины воспоминания писались для семьи, для его жены и детей, я решила оставить всё как есть. Редактировала лишь отдельные грамматические несоответствия, и то по ходу печатания. Меня же воспоминания Левы окончательно подтолкнули к написанию истории нашей семьи - она пригодится следующему поколению, а возможно и последующим, если они еще будут знать русский язык.

Инна

(Инна Генс-Катанян – сестра Л. Генса (М.Р.)

ВОСПОМИНАНИЯ ЛЬВА ГЕНСА.

(сокращенный вариант – М.Р.)

Дача - Эльва.

Мое детство прошло в летние месяцы в Эльве и почему - то хорошо запомнилось. Жили мы на улице Кярнери за вокзалом, где находилась наша дача. Эта улица вообще была еврейской, так как здесь размещались еврейские дачи. Все с верандами (по две-три), так как должны были размещать многочисленных родственников нескольких поколений вместе с нянями и кухарками. Наша дача (№17) до сих пор на месте, после войны Генсы ее продали. Участок довольно большой, отдельно огород, здесь дядя Носсон сажал картошку, клубнику и разные овощи. За дачей находилась хозяйственная постройка с двумя верандами, в сарае бабушка разводила кур. Они давали вкусные яйца, а когда надо было их резать, звали шейхета, он им резал горло по = кошерному, куры должны были истекать кровью.

Сама дача была двухэтажная, состояла из четырех квартир, в каждой велось отдельное хозяйство. Внизу слева жила бабушка, справа тетя Люба с семьей. На втором этаже слева тетя Церна, справа мы. Помню, что в двухкомнатной квартире одна комната была спальня

родителей. Там стояла двухспальная кровать в стиле «югенд» с сплошными металлическими спинками и каким-то затейливым орнаментом (очевидно по ненадобности привезенная из города).

Ходили мы всем кланом купаться в речку, которая находилась рядом. Почему-то евреи с Кярнери предпочитали купаться в речке, до озера по другую сторону вокзала, нам казалось далеко. Зато по ту сторону вокзала стоял мороженщик со своей коляской, мороженое у него было вкуснейшее. Тогда мороженое подавали при помощи формочки цилиндрической формы, на дно клалась одна вафля, затем формочка заполнялась мороженым, потом формочка закрывалась второй вафлей и выдавливалась при помощи стержня. Формочки выбирались в зависимости от стоимости порции.

Жили мы с Fraulein Boehlendorff обычно вдвоем, когда родилась Инна, то втроем. Мама не любила сидеть в Эльве, ей было здесь скучно. Так как Fraulein не готовила, то мы брали еду в рядом находившемся прямо за забором пансионате Eidelkind. Это одно из моих самых сильных впечатлений детства. Fraulein шла в пансионат с посудиною, и приносила еду. Самые вкусные были куриные котлетки, я не помню, чтобы я ел что-нибудь более вкусное. Вообще еда из пансионата была первоклассная, в те времена вообще любили вкусно покушать. Иногда мы ходили к бабушке, где собиралась на веранде вся дача.

Важным событием были дни рождения. Тогда собирали вереск (Heidekraut), плели венок, который прикрепляли к входной двери, украшали его флажками, вешали в саду фонари и устраивали детский день рождения, на который приходили дети из соседних дач. Обычно крендель и пирожные приносили от Uibo по ту сторону вокзала, там пекли прекрасные торты и пирожные, летом со свежими ягодами. Фрукты покупали у садовников.

Чем мы занимались? В основном в рядом расположенных лесах собирали ягоды, ближе к осени - грибы, а грибов тогда было много, не надо было даже далеко ходить. Купались в речке, а вечером всей еврейской колонией шли на вокзал встречать родителей.

Быт наш был элементарный. Туалет находился в сарае и был чрезвычайно ветхий. Один раз дядя Зали (муж Церны) провалился вместе с сидением в яму, был по пояс в говне. Это было незабываемое детское воспоминание.

Для разнообразия мы шли компанией в Peedu и Varpamae. В Пеэду был могучий лес с дубом, который по легенде посадил Петр I. Вообще Peedu тоже было местом отдыха для жителей Тарту, но чисто эстонским, евреев в Peedu не пускали и они туда не стремились. Вообще местный антисемитизм проявлялся в том, что «шутники» заменили на станционном здании вывеску «Elva» на «Jerusalem». Эстонцы на евреях зарабатывали, но не любили.

Когда я стал взрослее, мне подарили детский велосипед, потом взрослый, и я много разезжал по окрестностям Эльвы. Шоссейные дороги тогда были грунтовые и пустые. Не было машин и сельхозтехники. Единственные оживленные места были сельские лавки, где собирались хуторяне и то в небольшом количестве.

Дружили мы в основном с Кремерами-Пастернаками, т.е. с Саней Кремером и Толей Пастернаком. Эта дружба продолжалась также в городе. Саня Кремер был талантливый парень, можно сказать блестящий. Из него мог получиться крупный ученый. Судьба его была трагическая. Он был мобилизован в начале войны, попал на Урал и там умер от болезни. Его сестра вышла замуж за виолончелиста-пьяницу и позже уехала вместе с ним в Израиль. Толя Пастернак пустоватый тип, после войны был активен по партийной линии, я с ним прервал отношения. Из детей общались с Rajenson'ами. Папа Паенсон был зубной врач и еврейский общественный деятель. Shulamit, старшая дочь, скоро после войны умерла. Младшая Joli в Берлине. Кроме того, были еще Uzvanski, Kropman, Ginitsiski, Tparido, как видно все зажиточные еврейские семейства имели дачи в Эльве и пасли здесь летом детей.

К сожалению, подробности я больше не помню, так как время текло достаточно однообразно, по заведенному порядку. Честно говоря, самое сильное впечатление детских лет в Эльве - куриные котлеты пансионата Эйделькинд. Когда в 1934 году переехали в Таллинн, мы летом стали отдыхать в Нарва-Йыесуу и Вызу.

Нарва Йыесуу.

Так как мы жили в Тарту и папа там работал, мы естественно отдыхали в Эльве. Переехав в 1934 году в Таллинн, мы изменили место отдыха. Пару раз были в Вызу, а остальное

время в Нарва-Йыесуу - Усть-Нарва - или Hungerburg. Вызу не оставило следа в памяти, так как место было скучноватое. Папа имел автомашину «Форд», на которой мама училась ехать. Однажды она решила самостоятельно поехать и на малой скорости наехала на другую машину. И пришлось платить, а мама больше за руль не садилась. Сам папа однажды по дороге в Нарву наехал на столб, но столб сломался, а машина осталась цела, в те времена машины строили крепкие. Так вот - Вызу скучное место и у меня воспоминания о Вызу не остались. По дороге в Нарва-Йыесуу однажды мы с папой подъехали к поэту Северянину, но я ничего об этом визите не помню. Другой раз мы заехали к скульптору Меллику, который где-то около Силламяэ отдыхал.

А в Нарве я был вместе с папой. Помню висячий мост через канал у водопада, а водопад был тогда роскошный. запруда у электростанции еще не была построена. Нарва была красива, посетили домик Петра, но, честно говоря, ничего не помню. Водопад действовал сильнее.

Теперь о Нарва-Йыесуу. Это был роскошный курорт. Вся роскошь царского времени сохранилась. Казино работало, там были «Five o'clock» и богатая публика туда ходила. Действовала "Villa Cariccio", бывший особняк нарвского городского головы. Ее взорвали немцы в 1944 году. Там жили русские офицеры, а немцы заложили бомбу и взорвали вместе с офицерами. Мой бывший завкафедры Чернов спасся, он как вышел погулять. Был еще "Rannakohvik", туда я ходил на танцы. Там какой-то баритон пел опереточные песни, а мы, молодежь, брали морс и слушали. Сейчас "Rannakohvik" не существует, сгорел во время войны.

Жили мы в пансионате "Fridau". Кормили там потрясающе. Вообще в старой Эстонии кормили потрясающе, жареные цыплята на общий стол приносили горами, также мороженое.

Чем мы занимались. Моя двоюродная сестра Мия крутила романы с великовозрастными кавалерами, среди них Ади Слуцкий, позже деятель радио (в советское время). Слуцкий был сердцеед. Это я хорошо помню. Сам я резался в бридж слевой Брашинским, остальных не помню. Резались целыми днями. Кроме того я любил плавать. А плавал я хорошо. Доплывал до реки Наровы на границе с Россией. Однажды я чуть не погиб. Поплыл под плот и запутался в канатах. Но сумел выплыть, ну и напугался. Кроме того, мне нравилось кататься на лодке. Родители хотели меня научить играть в теннис. Учил нас какой-то знаменитый тренер. Меня не научил. Я уже тогда отличался замедленной реакцией. То же самое было с настольным теннисом и при моем динамизме как - то даже в дискуссиях я отличался замедленной реакцией. Вообще талантами не отличался. Странно, что мои воспоминания концентрируются на еде. Я например хорошо помню, что наша домработница Alviine умела замечательно готовить соусы. Например, куропатка с соусом из шпика была настоящим объединением. А питались мы сравнительно скромно. Папа предпочитал тратить деньги на книги и искусство.

Но хватало и на куропатку. Младшее поколение не может себе представить, как, например, кушали у бабушки! (в Тарту).

.....

Генсовский магазин и семья

Магазин "B.Genss & Pojad" находился на углу Kuuni и Pое, где стоял дом бабушки. Это было самое оживленное место Тарту, напротив Kaubahoov с магазинами, среди них обувной Refеса. где мне покупали обувь. Рядом главный конкурент Бакшт. Напротив, через улицу, аптека Гиницских. а по Kuuni, несколько домов подальше. зубной врач Паенсон.. большой культуртрегер. Рядом площадь Varclay с памятником Барклаю де Толли Демут-Малиновского. А в глубине площади нынешняя гостиница, после войны штаб авиационного отряда, генерал был чеченец Дудаев. А до войны в этом доме была парикмахерская, где меня стригли.

Магазин Генсов был огромный, в два этажа. На первом галантерейный отдел, а наверху «en gros». Там был склад, откуда товар развозили по всей Эстонии - в основном южной. На первом этаже командовали дяди Зали и Колли (Нафтали), Зали стоял за кассой и делал всё для того, чтобы разорить магазин. Касса всегда была открыта для родственников, которые этой возможностью пользовались достаточно часто. Второй этаж был хозяйством Мозеса

Генса. двоюродного брата моих дядей, он тоже не очень делал разницу между своим и казенным. Мозес отец Эли Генс. ныне живущая в Штутгарте.

Я обожал второй этаж. Там валялись в ящиках сотни пистолетов, там были йо-йо, очень популярная в те времена игрушка. Я был виртуоз йо-йо. сотни раз поднимал и опускал два диска, обматывавших шнур, сворачивавшийся при подъеме руки. Занятие дурацкое, но увлекательное. На третьем этаже была квартира бабушки. Там. в одном крыле, жил дядя Носсон. Его квартирка состояла из двух комнат. В передней - кабинет, а в задней, несколько ступенек ниже, темной - его спальня. Перед квартирой Носсона находилась узкая комната. Там. однажды, спала Бетти Генс, жена Джо. тогда невеста, приехавшая жениться. Джо к магазину отношения не имел. Джо (Иосиф) тогда младший брат, предприимчивый, основывал фабрики, чтобы их затем продавать (пуговиц, а потом алюминиевой посуды). Джо был очень сильный, все Генсы были гимнасты, помню, что он одной рукой поднимал свою довольно полную жену. Джо вообще завидовал коллекционированию папы, собирал слоновую кость. Всю свою коллекцию он забрал в Израиль, куда уехал в 30-е. Там находился в Тел-Авиве участок земли, купленный дедушкой Бером (на самом деле - в Хайфе - И.Г.) Насчет Джо лучше знает Инна.

...

Генсы жили на "Рое". Там был громадный дом. принадлежавший дедушке. Одно крыло выходило на Ратушную площадь, там на 3. этаже жили мы. Со стороны Поэ в крыле жили Колли и Джо, а со стороны реки Эмайыги дядя Зали. У дяди Зали была огромная спальня с огромным гарнитуром из карельской березы, заказанный по проекту папиного друга Бориса Криммера. известного архитектора, академика Петербургской Академии художеств. Два кресла принадлежали Зали еще после войны, он их продал, когда семья была в денежных затруднениях (из-за аптеки в Эльве). Кресла были огромные, а поскольку я помню двухспальную кровать - тоже. Квартиры дядей я помню неважно, лучше Колли, так как я приезжая в Тарту, останавливался у него и тети Сони. Там была спальня, столовая, гостиная с роялем. Соня играла и. в общем, неплохо. А отдельно, уже после парадной двери, был еще отсек, где находился большой кабинет дяди Колли, заполненный книгами по еврейской религиозной истории. Он и Носсон увлекались еврейской историей. Носсон историей евреев в Эстонии, выпустил даже в печати книжку про таллинскую синагогу и предисторию синагоги. Колли занимался историей еврейской религии. Колли был верующий и аккуратно ходил в синагогу. Зали тоже. Места у них были почетные у восточной стены. Там молились самые богатые евреи. Дело в том, что, когда строили синагогу в начале 20-го века, то собирали деньги. Самые почетные места были в первом ряду с востока, конечно Бер Генс дал деньги и он получил два места с востока в первом ряду. Я это хорошо помню, так как мы мальчишки в еврейские праздники болтались в синагоге. Папа. Носсон. Джо в синагогу не ходили. Зали был еще пожарником. Специальные сборы пожарников в депо на берегу Эмайыги служили главным образом для того, чтобы выпить. А Зали выглядел импозантным в каске, канатом через плечо, топориком. Это развлекалось мещанство. Зали был наименее образованный из Генсов. Он еще входил в корпорацию «Лимувия». По-моему, это было место, где евреи безнаказанно выпивали.

Носсон и Коля были членами "Akademischer Verein", там собирались интеллигенты. А в те времена были модными всякие Verein'ы. у немцев тоже. Ведь телевизоров не было. В моде были интеллигентные способы времяпровождения.

Тетя Люба (Брашинская) жила в бывшей гостинице "Bellevue" на берегу Эмайыги, но с другой стороны. Её квартиру я помню плохо (а я - хорошо И.Г.). Дочка Ата (Беата) была симпатичная, а ее брат Леня был умственно отсталый. "Bellevue" принадлежал Любе и Носсону. Носсон получал квартирную плату и жил безбедно, но скучно. Не умел прожигать деньги. Муж Любы, как и все Брашинские, был человеком предприимчивым и занимался домом. Он даже построил кинотеатр в бывшем ресторане гостиницы. У меня сохранилась какая-то посуда из гостиницы. Надписи были на немецком языке. Герман Брашинский был человек очень сильный, вырывал деревья с корнями, но мало симпатичный. Его племянник, шахматист, с которым я дружил до войны, живет ныне в Вильянди. зовут его Лева, он учитель математики. Брашинские были сосланы в Сибирь. Инна об этом напишет лучше. Портрет Любы висит у меня дома.

Так выглядит моя семья. Самые живые родственники были на мой взгляд Джо и Бетти. Самая скучная пара были Колли и Соня, затем Зали и Церна, живее Люба и Герман

Брашинские. Дед Генс дал сыновьям высшее образование, кроме Джо, который уехал в США, ничего там не добился и вернулся в Тарту. Еще дядя Абрам, колоритнейшая фигура, о нем лучше напишет Инна.

Я вообще мемуары писать не способен, так как, к сожалению, дома меня интересуют больше, чем люди и это очень плохо. В последнее время к счастью я стал интересоваться людьми. Слава Богу.

Бабушка связана главным образом с едой. У нее в столовой всегда был накрыт стол и там располагались восхитительные яства во главе с гусиной печенкой с шкварками. Для нее специально откармливали гусей. На кухне работали две домработницы, которые солили лососей.

Некоторые фрагменты домашней жизни.

В Таллинне мы жили на Роозикранци 10. в доме Акеля. глазного врача и потом политического деятеля (последние годы независимой Эстонии он был Министр иностранных дел - И.Г.) У нас была большая квартира, ее надо было топить. Каждый год папа, как экспортер леса, доставлял Акелю вагон дров, так он платил квартирную плату. Сам Акель жил на втором этаже. Он был крупный мужчина, я с ним дел не имел. У него была дочь, к которой приезжал на красном открытом кабриолете секретарь турецкого посольства. Мы дети смотрели в окно. В окно мы смотрели также, когда приезжал президент Пятс. Он приезжал на скромной черной машине, без сопровождения. Тогда жизнь была спокойная. Любили мы ходить на парады. Кабинет папы в доме «ЕКА» (ныне ратуша) на площади Свободы, выходил на площадь. Парады были какие-то опереточные. Ехали тяжелые танки времен первой мировой войны. Бодро маршировала пехота. Один раз в параде участвовал российский маршал Егоров. Его вскоре расстреляли.

Папа работал «не бей лежачего». Утром он шел в контору, а к 12 часам он уже был свободен и шел в кафе «Фейшнер» (ныне «пуб») на улице Харью. А мама шла в кафе "Corso", на месте ратуши, где теперь ресторан "Corso", тогда оно было двухэтажное.

После кафе папа приходил домой обедать, а после обеда он отдыхал, после чего садился за письменный стол. Что делала мама, я просто не помню, (руководничала -И.Г.). Она играла на рояле и играла хорошо. Наверно получила соответствующее воспитание. Мы с Инной общались с Рорри. нашей фрейлейн. У папы были тяжелые дни, когда проходили лесные аукционы. Иногда у него сильно болела голова, и он волновался. После окончания аукционов всё опять возвращалось в старое русло. Папа садился за письменный стол работать. Так как у нас был «Форд», то мы выезжали часто в Пирита, где я пил на террасе кафе клюквенный морс, очень вкусный, теперь такой не получишь. Иногда я ходил купаться с Коломойцевым. отцом моей двоюродной сестры Мии. Жили они на Виру 15 в большой, но странной квартире. Со стороны Виру находился приемный кабинет.

(Коломойцев был венеролог и кожник, причем очень хороший). Он лечил в семье кожные болезни и очень успешно. Рядом с кабинетом была комната ожидания, из которой можно было попасть в огромную спальню с выходом на улицу Виру. А в глубине были жилые небольшие комнаты. С Мией, моей двоюродной сестрой, мы часто встречались и так же часто дрались. Почему, не знаю. А моя тетя Анхен в задней комнате сидела за ткацким станком и ткала ковры. Ей не хотелось быть иждивенкой, получалось ли, не знаю.

Был дядя Изи, умерший в эвакуации в Ташкенте. А я пижонил в его сапогах и штанах. Изи я помню по Тарту. Он учился в Университете на химическом и я помню его, сидящем в кресле и зубрящем конспекты. Одно время он ухаживал за художницей из Брюсселя, Возлинской. Результат был хороший - портрет дяди Изи, после войны портрет Инны и мой, который я выбросил, он был плохой, но делать это нельзя было. Потом роман Изи с Возлинской расстроился и Изи женился на нынешней госпоже Трапидо. Была шикарная свадьба с «хупе». а затем всё расстроилось, и они разошлись. Дядя Изи умер в Ташкенте в начале войны. Был он красивым, лентяем, в нем было что-то от семьи Мальтинских. Возлинская после войны уехала в Брюссель, вроде умерла.

Что касается дедушки Мальтинского и бабушки, то я их плохо знаю. Дедушка был неудавшийся бизнесмен. Я его как-то видел в сарае разбиравшем мешки. Он работал в синагоге как габе, а в еврейские праздники (сукес) раздавал конфеты, которые он выклянчивал у Гиновкера. Бабушку я себе плохо представляю. Жили они на Татари. В квартире были жильцы, очевидно, это было для оплаты квартиры. Поддерживали

Мальтинских мой папа и Коломойцев. Коломойцев был довольно неприятный человек - кулак. Зато исключительно чистоплотный, всегда в начищенных ботинках.

Что касается других родственников, то с Тейшевыми мы отношений не поддерживали, а после переезда в Таллинн узы с тартускими ослабли. У родителей был свой круг друзей. Я «дружил» (я дружить не был в состоянии) с Софером и Пикаревичем, с которыми учился в одном классе. А класс у нас был. в основном, дамский, очень пестрый. В конце к нам перебежали из эстонских школ моя двоюродная сестра Мия, Циля Бельчикова (из Лендера).

Немного о еврейской школе. Школа делилась на идишистскую и гебраистскую. А начиная с 10 класса была только идишистская. Классный наставник у нас был Дубовский, человек довольно солидный, но без чувства юмора. Был Тамаркин, который вел иврит, а в идишистском классе особого успеха не имел, тем более, что человек он был мягкий.

Химию вела Пассова. довольно хорошая учительница, историю читал папа Гурин - директор. Эстонский вела Зуйсман (Вальдур - она взяла эстонскую фамилию), хорошая учительница и человек. Военное дело вел капитан Ланг. настоящий военный, который прививал евреям дисциплину. Я его боялся. Девочки в нашем классе были рано созревшие и презирали нас мальчиков. Хотя надо сказать, что девицы в классе были двух типов.

Часть, в том числе и Мия, были дамы и крутили романы. Другая часть были скромницы и убежденные идишистки во главе с Дитой Исуриной. Она была во время II мировой войны в армии, а на прием (после окончания школы - И.Г.) к президенту Пятсу не пошла по политическим соображениям. Я тоже принадлежал к «левым». Но это не было серьезно, это шло от папы. Вообще «левые» евреи были из зажиточных семей. Их в начале войны выслали как буржуев. Недаром эстонцы так возненавидели евреев. А Гуткин, который сорвал эстонский флаг с Длинного Германа, попал в армию, где эстонцы его убили. Вообще евреи в Таллинне были типичными представителями своего народа. Клуб «Бялик» для левых на Нарва манте, клуб правых на Вяйке Карья. В обоих работал буфет и вкусный. Я с удовольствием кушал печенку и в том. и в другом.. А печеночный паштет был моим любимым блюдом.

Год ТПИ

В 1940 году я выдержал экзамен в ТПИ, но поступил на химико-горный факультет, не набрав очков на более престижный.

ТПИ находился в Копли в помещении управления и чертежных бывшего Русско-балтийского завода. Преподаватели в основном из бывшего таллинского техникума. Занятия в ТПИ показали сразу ограниченность моих способностей. Кроме того выяснилось, что я не умею систематически работать, это моя перманентная болезнь, которую я до сих пор не преодолел. Оказывается, с математикой я справлялся, здесь я кое-как соображал. Зато с начертательной геометрией никак. У меня не оказалось пространственного мышления. Как в проекте /неразб./ пересекаются две объемные геометрические фигуры никак не соображал. Я занимаюсь архитектурой и пространственное мышление плохо развито! Но, повидимому, в элементарных рамках всё же соображаю. Кроме того, оказалось, что физика выше моих возможностей. Читал нам Ална физику так сложно, что я сидел в аудитории и хлопал глазами, ну ничего не понимал. Лабораторные занятия я выполнял, столько я соображал.

В ТПИ было весело, студенчество еще не привыкло к советским порядкам, педагоги тоже. Хохмились. В России их бы неумолимо посадили. А нагрузка была большая. Привыкли к буржуазной науке, а там была высокая требовательность. Старая немецкая школа. Мой главный педагог был Карк. старший горный инженер, кажется в 20-е годы даже был министр.

Горное дело было даже интересно. Мы готовили тонкие пластинки разных пород и через микроскоп изучали состав. Получался красивый цветной узор. Красивее, чем абстрактное искусство. Занятия по горному делу проходили в бывшей дирекции военного завода. У меня в ТПИ произошла позорная история. Папа был в те времена советский деятель, и мне следовало поступить в комсомол. Но поскольку я вообще склонен трепаться и говорить глупости (теперь нет?), что-то сболтнув, меня в ряды принципиальной и идейной организации не приняли. Я был обижен, но не слишком, в те времена я вообще к жизни серьезно не относился. Дома нас потеснили. Моя комната и комната Инны перешли к

каким-то военным, а папин кабинет и передняя - к другим. Я чертил в столовой. Как я теперь понимаю, чертил я плохо, был нетерпелив и неаккуратен. Вообще советская власть оказалась для меня выгодной. Я, при моем характере, мог успешно работать при советской власти, в педантичной первой эстонской республике дорога к карьере для меня была закрыта. Это я не кокетничаю. Так это есть.

В те годы чувствовалось начато войны. Я был на призывном пункте, мне дали нестроевую. Из-за близорукости, врач был Бассел, он боялся меня освободить, считая, что будут говорить, что еврей освобождает еврея. Из-за этого я в 1941 пошел в армию. С доктором Басселем я столкнулся еще раз в Ташкенте, там он меня освободил! У меня был соученик в ТПИ Сарапуу. спортсмен, прыгун с шестом, тугодум, во всяком случае математику я соображал лучше чем он, он был умный и меня предупреждал - скоро война. Когда война началась, первым делом наши военные с семьями исчезли.

Мои воспоминания об армии.

Меня как призывника вызвали в 1940 году на военную врачебную комиссию. Врачом по глазным болезням был Бассель. отец Толи. Он боялся, что скажут, что он освободил от военной службы еврея и дал мне нестроевую. В дальнейшем оказалось, что в армии это никого не интересовало и я влился в строевую часть. 2 июля 1941 года меня мобилизовали, я попал на певческое поле. Там нам давали концерт, а нас обслуживали еврейские девушки, часть которых потом и погибла при фашистах. От поля нас отправили в порт и нас посадили на корабли. Немцы нас не бомбили, так как рассчитывали, что на фронте эстонцы к ним перебегут. В Ленинграде нас высадили и посадили в поезд, когда доехали до Москвы я позвонил Генсам. чтобы узнать, что с моими. Нам говорили, что корабли с эвакуированными потопили. А я думал, что они будут эвакуироваться на корабле, а на самом деле они ехали поездом. Из Москвы нас повезли на Волгу. Там посадили на шикарный теплоход и повезли в Саратов. По дороге нас сопровождала вытё баб, которые провожали мужей на фронт. В Саратове нас высадили (по дороге были в Ульяновске). Дали обмундирование. 40 км шли в лагерь Татищево, было трудно без привычки. В лагере началась строевая подготовка. Тогда думали, что нас пошлют на фронт. Я, зная русский язык, одно время был ординарцем у полковника. Так как я ленивый, он меня послал обратно в часть. В части стали чувствовать, что что-то не то. Забрали оружие и использовали на «трудовом фронте». Рядом находилась польская армия Андерса. Им «союзники» посылали оборудование, а мы выгружали. Естественно, что частично оно переходило к нам. Мы «нечаянно» разбивали ящики. Представители Андерса звали нас к себе. Кое-кто пытался. Их поймали и судили в военном трибунале. А затем пришел приказ Сталина нас перевести в трудармию. Получилось так, что эстонцев послали на Урал, а неэстонцев в Нижний Ломов. Пензенской области. Это была национальная политика. Нам повезло. В Нижнем Ломове было значительно лучше, чем на Урале. Я вообще попал на кухню: В Нижнем Ломове мы стали понимать, как плохо местному населению. Когда нас водили в город, бабы спрашивали у нас мыло! Мне в Нижнем Ломове повезло - у меня разбили очки, запасные я не показал. Меня послали к главному (конечно еврей) и он меня законно освободил от военной службы. В Пензе сел в поезд и поехал в Ташкент к родителям. Я сумел узнать через Москву их место проживания. По дороге, в Кызыл Орде, сломал ногу, пролежал в госпитале и потом меня повезли в Ташкент.

Так в общих чертах выглядела моя военная эпопея. Должен добавить, что у меня были два паспорта, старый эстонский и советский. Я сдал в армии старый эстонский и оставил советский, что мне облегчило жизнь в Ташкенте. Подробности прохождения службы в армии не пишу, так как противно вспоминать. Я был маменькин сынок и это сильно повлияло.

Ташкент

Приехал я в Ташкент странным образом. По дороге выпрыгнул на станции Кызыл -Орда и сломал ногу. Попал в больницу. Ногу положили в гипс, нашлась оказия и я на санитарном вагоне прикатил в Ташкент. Там родители жили в какой-то хибарке - я к ним. Но я не знал, что под гипс вселились вши, частое явление в те дни. А тем временем у нас поселилась Минна Бауман, мать Мирьям Бауман, и стали подозревать, что она разносит вши. Только когда с меня сняли гипс всё выяснилось.

А тем временем я ходил на костылях и будучи в военной форме брал без очереди хлеб, пока бдительные товарищи меня не разоблачили и выгнали из очереди с позором. Но время было голодное. Когда я вылечил ногу, встал вопрос - что дальше. Лишний рот был недопустимая роскошь. На одном дворе с нами жил главный инженер завода «Подъемник», эвакуированный из Москвы. Он меня устроил токарем на заводе. Рабочий день - 11 часов в дневную, 11 часов в ночную смену. Поначалу мне даже нравилось. Был молодой азарт и я разыгрывал стахановца. Красные флажки стояли на токарном станке. Зато меня и других молокососов старшие рабочие презирали. Они понимали, что мы вскоре выдохнемся. А рабочие были испанцы, удравшие от Франко и попавшие в Ташкент. Когда я действительно выдохся, сосед помог мне выбраться с завода. Освобождение от военной службы получил от доктора Басселя, давшего мне официальное освобождение из-за близорукости.

Теперь стал вопрос куда идти учиться. Сунулся в железнодорожный институт(!). Хорошо, что не попал. После чего решил идти в САГУ (Среднеазиатский государственный университет) на искусствоведческий - туда был эвакуирован М.Г.У. А проф. Виппер был знаком с папой. Когда я поступил, он даже поинтересовался, как мне нравятся его лекции. Позже он не спрашивал, понимал, очевидно, какой я темный тип. Папа тоже понимал, что я далек от искусствознания. И был прав. Начал я понимать только в 60-е годы. До этого я был случайный человек в этой науке. В этом я убедился особенно во время пребывания в Тарту. В САГУ тогда преподавали блестящие ученые. Я иногда ходил на лекции историков и филологов, ничего не понимал и переставал ходить. Прошу не думать, что преувеличиваю. Я действительно был случайный человек в науке и мне что завод «Подъемник», что САГУ одно и то же. У меня была хорошая память, я экзамены сдавал, и всё было в порядке. С САГУ связана только одна трагическая страница. Там работал один пожилой немец - эмигрант. Голодный, худой. Он предложил взять деньги у нас и поехать в деревню покупать рис себе и нам. Конечно его обокрали, он где-то соскребал деньги и частично нам вернул. Он вероятно погиб - типичный беспомощный западный интеллигент. Вообще в Ташкенте было много эвакуированных. Я как-то сидел на концерте Зандерлинга в Ташкентской филармонии. Это было в здании бывшего цирка. Так рядом со мной сидела Анна Зегерс (если не ошибаюсь). Папа дружил с таким искусствоведом-критиком Дурус из Германии. Этот Дурус как коммунист стал деятелем в ГДР.

Маленькая вставка. В Эстонии в Кейла работал врачом немецкий еврей Moritz Mebel. Мы с ним подружились через сестру Фриды Бернштейн - Беллу. Однажды мы вместе с ним поехали в Эльву женить его на Рэкен Абрамсон. Всё кончилось скандалом ...

И к счастью, что Рехен за него замуж не вышла. Мебель вернулся в Германию, делал карьеру в ГДР, стал главным врачом в «Шарите» самой большой больнице ГДР и членом ЦК КП Германии, ярким коммунистом. Когда я был однажды в гостях у Юли в Германии, смотрел телевизор, и показали фильм про Мебеля. специально, чтобы показать до какого идиотизма социализм доводит людей. Он клялся в верности социализму, и мне было его жаль, ничто не сдвинуло его с его догм.

В Ташкенте папа пошел служить в Публичную Библиотеку и мы там получили квартиру. Кроме того он стал представителем Эстонии по Средней Азии. В Ташкенте сложился мой круг знакомых. В Ташкенте была также моя большая, как всегда несчастная любовь - Ира Путолова. Моя сокурсница. А она любила скрипача из консерватории. Ленинградская консерватория была эвакуирована в Ташкент, мы ходили на концерты в консерваторию, а концерты были первоклассные.

Центром приятельской активности стала в Ташкенте «Тамара Ханум». это школа национального узбекского танца им. Тамары Ханум. которая превратилась в общежитие для эвакуированных. Там жила Хиля (Рахиль) Левина, дочь ленинградского историка, как я теперь понимаю, очень крупного. Позже, когда я учился в Ленинграде, я часто у них бывал. Хиля была женщина очень талантливая, гены несомненно существуют. Вокруг нее собиралась симпатичная компания - прежде всего Гриша Израилевич, большой бабник, но симпатяга, он ухаживал за девочкой из Киева - Ладой Миляевой, ныне известным искусствоведом, специалистом по средневековой украинской живописи, далее Лиля Трофименко, которая ныне живет в Иерусалиме, у меня с ней сохранились самые теплые отношения. Она математик, но обладает художественным талантом. Далее Женя-Маша, забыл ее фамилию (Впоследствии Юдовина. во втором браке Тюлина - И.Г.), один молодой поэт, из которого потом вроде ничего не вышло и кое-кто еще.

Было весело. В «Тамаре Ханум» бывали концерты. До сих пор помню концерт баса Цесевича. Он был в немилости у начальства, поэтому официальных концертов не было. А пел он как Шаляпин. Столько лет прошло, а я до сих пор его концерт помню. За это время Московский университет уехал в Москву, а руководить искусствоведческим отделением стал Зуммер. Был такой специалист по Александру Иванову, с голым черепом, громким голосом и вообще бездарность. От этого времени припоминаю позорную для себя историю. Как я отмечал, в искусстве я ничего не понимал. Однажды у нас на факультете устроил выставку Волков, замечательный художник, ориенталист. Мне предложили открыть обсуждение выставки. А я, дурак, стал его ругать, когда надо было его всячески поддержать. Мне за мое выступление попало и поделом. Недаром мой папа очень сомневался в моих искусствоведческих способностях. Каков был мой ужас, когда я попал в Ташкент в дни эстонской декады 1956 года за один стол с сыновьями Волкова, а ведь они тоже были на том злополучном обсуждении. К счастью они меня не узнали. Такие бывают случаи.

В это время папа был эстонским представителем в Средней Азии. Он меня устроил переводчиком в НКВД-НКГБ. Это было из-за хлебной карточки. Лучше он это бы не делал. Сейчас я никак не могу уйти от своего прошлого. Противно. Когда родители в конце 1944 года уехали домой, я еще оставался в Ташкенте и только в начале 1945 года вернулся в Таллинн работать в КГБ. Эту страницу своей биографии я вспоминаю без радости. Хочу только добавить, что работая в КГБ, я познакомился с внучками Дзержинского, рыжими девочками. Вообще знакомств было много, но более глубоких следов не оставили.

ELVA - TARTU

Первые послевоенные годы мы отдыхали в Эльве. В это время дядя Зали был местным аптекарем и жил в аптеке, где было много места. Зали был человек широкой натуры и легкомысленный. Он кормил всю нашу ораву, отдыхали здесь также москвичи (дядя Абрам с Вовой). А для того, чтобы иметь приработок, он продавал крестьянам эфир и вообще легкомысленно обращался с государственным имуществом. Это кончилось плохо, его посадили на три года (по-моему, на пять - И.Г.) и семью выгнали из здания аптеки. Церна и Этти перебрались в бывшую генсовскую дачу на Кярнери. на 2-й этаж, новый хозяин их приютил. Там было холодно и неуютно, когда дядя Зали вернулся из заключения, он там тоже жил. Потом они получили новую квартиру. Но к тому времени Зали умер.

В Эльве было весело. Я ухаживал в те годы за Гиной Кропман. Она была красивая, милая, но инфантильная, я, между прочим, тоже. Мы бы наверно поженились, если бы не моя влюбленность в Ленинграде в Наташу Шиперович. ... Гина училась в Москве.

В дальнейшем я бывал в Эльве у Перльманов - родители Рехен Абрамсон - это, когда я работал в Тарту. Перльманы жили напротив тети Церны на Кярнери, у Арнольда был там зубной кабинет. Они считали себя аристократами, а Церна, всегда с комплексом неполноценности, напротив, парией. Так они и жили рядом, друг напротив друга и Церна и Этти обсуждали Перльманов. У Шелли, мамы Рехен, был любовник-военный и была тема для сплетен.

Эльва была тогда популярный курорт для москвичей и ленинградцев. В Эльве среди дачников были известные ученые, писатели. Вообще Эстония была тогда «наша заграница». Кто только не был в Таллинне. В Меривялья проводили лето разные знаменитости, еще в большем количестве в Пярну.

Эльва была демократичнее, так как дешевле.

...

Академия художеств 1946-1949

В Академию я попал на 3-ий курс. В САГУ (среднеазиатский гос. университет) я закончил два курса. Попал я в АХ, фактически Институт им. Репина, по рекомендации Изабеллы Гинзбург, у которой учился в Ташкенте. Изабелла Г. была серьезный ученый, автор монографии о Чистякове, муж был музыковед. Позже наши пути разошлись. Она преподавала в АХ искусство народов СССР.

Академия, такая, как я теперь помню, была крайне консервативное учебное заведение. Более прогрессивные педагоги были запуганы, когда началась борьба с космополитизмом,

а это было после моего окончания академии, были уволены как раз самые талантливые педагоги. Герман Германович Гримм, специалист по классицизму, покончил собой. Во времена моей учебы посадили Николая Николаевича Лунина, блестящего лектора, специалиста по Возрождению, мужа Анны Ахматовой. Ректор был тогда Зайцев, неплохой мужик, но и он ничего делать не мог. Студенчество, во многом ветераны войны, было косное и во многом антисемиты. Богом живописцев, а живописцы преобладали в АХ, был Иогансон. автор классических произведений соцреализма «Допрос коммунистов» и «И на старом уральском заводе». Иогансон проповедывал, а студенты впитывали его проповеди. К сожалению, я в те годы не особенно соображал в живописи, и мне тоже казались проповеди Иогансона истиной в последней инстанции. К своему стыду я в те годы предпочитал написанные локальными красками картины академиков даже импрессионистам. Ведь моя преподавательница Изабелла Гинзбург считала импрессионистов «субъективными идеалистами», а это был смертный приговор. Во всяком случае, в лекционном курсе импрессионисты не существовали.

Наш искусствоведческий факультет был довольно пестрый. Проректор был Игорь Александрович Бартнев, достаточно посредственный педагог, он нам вдалбливал классические ордера, но был неплохой организатор. Блестящий педагог был Мих Каргер, он читал курс древнерусского искусства, с упором на архитектуру. С ним мы ездили в Киев на раскопки в 1946 году. Но об этом отдельно. Старое западное искусство читал Доброклонский. специалист Эрмитажа, читал плохо, так как он явно не любил читать лекции и я часто спал на его лекциях. Более новое западное искусство читал Валентин Бродский, симпатичный человек, курс он вел довольно скучно, но только до импрессионистов! Советское искусство вела Коровкевич, редкостная дура, такие могли работать в АХ только в условиях тех лет. Она была активная партийка, и этого было достаточно. Новое русское искусство, конечно до «Мир искусства» вел Сергей Исаков, осколок дореволюционных лет, как я теперь понимаю, дилетант, но добрый человек, который любил своих художников и стремился привить нам любовь к передвижникам. Первобытное искусство читал талантливый Гущин, автор одноименной книги. Античность – Чубова, древний Восток Флиттнер, анализ картины Иосиф Бродский и т.д. Особо хочется отметить Абрама Каганович, он был секретарь Серова, яркая личность. Он ко мне относился хорошо, так как ездил в Таллинн шить костюмы, он был денди и дамский угодник. Дамы его обожали. Как я теперь понимаю, был он слизкий и непорядочный человек. Меня он признавал только потому, что Таллинн тогда был «наша заграница» и я просто был ему нужен. Когда «народные демократии» открылись, я его встретил в Ленинграде и ко мне ноль внимания. Я ему просто не был нужен. Людей узнаешь постепенно.

Поездка в Киев.

Каргер уговорил меня вместе с группой студентов поехать в Киев и участвовать в раскопках в окрестностях Софии Киевской. В Киеве, это был 1946 год, еще чувствовались последствия войны. Жили мы в Историческом музее около Десятинной церкви - в городе Владимира, (рядом был город Ярослав, где сейчас София). Мосты Десятинной церкви отличали остатки фундамента, выложенные камнями брусчатки. Напротив, на холме стояла живописная Андреевская церковь Растрелли. Раскопки были мало удачные, мы искали полуземлянки, вроде ничего путного не нашли. Помню, что в интересах заработка мы с Пестряковой. сокурсницей, вечером, при лунном свете закапывали раскоп. Ухаживал я за другой сокурсницей - Мусей Корпенко, по матери Клодт фон Юргенсбу. Юля дружит с ее племянницей. Вспоминаю там веселый эпизод. Шли мы в столовую, я зашел первый в дверь, не пропустив даму, а дама была моя сокурсница Тата Кропоткина. Она мне дала по заднице коленом. Это я запомнил надолго и стал женщин пропускать вперед. Теперь это вроде немодно - феминизм. В Киеве мы ознакомились с древнерусской архитектурой. Каргер провел основательную экскурсию по Софии. Были в Кирилловской церкви, рядом в монастыре размещался сумасшедший дом, и когда мы шли в церковь, сумасшедшие в халатах нас окружали. В Кирилловской церкви смотрели фрески Врубеля, осталось впечатление, комбинация психов и Врубеля. Забавно было возвращение. В те годы была разруха и поезда переполнены. Я попал в вагон только через окно, чемодан забросили раньше, и когда я забрался в вагон, чемодана не было. Мы обыскали весь вагон, и все же

нашли чемодан, запрятанный под сидением. Зато другой чемодан при помощи крюка вытащили через окно, были специалисты, которые таскали чемоданы через открытые окна вагонов.

Вторая археологическая экспедиция была экзотическая - в Пенджикент около Самарканда. Сейчас Пенджикент знаменит росписями дворцов знати. Тогда еще ничего известно не было. В эту экспедицию я попал благодаря Мих. Мих. Дьяконову, специалисту по Средней Азии, который читал курс Ближнего Востока в нашем Институте. Я человек ленивый и поэтому из меня восточник не получился, как из Инны. Надо было учить персидский и арабский, а я понял, что для этого слишком ленив и бросил Восток. А в Пенджикент съездил и не жалею. Очень было романтично. Руководил экспедицией Якубовский, известный историк. Как я теперь понимаю, он не был великий ученый, но важный и солидный. Фактически руководил раскопками Тереножкин, отец Ранну, жившая в Таллинне и проводившая здесь экскурсии по городу. Позже она уехала, выйдя замуж за верующего, в Троице-Сергиево. Она была забавная особа, немного диссидентка. Еще был в Пенджикенте Беленицкий, написавший книгу про раскопки Пенджикента. Сначала мы сами готовили пищу. Но у меня это совсем не получалось и взяли кухарку. Фрукты были замечательные, вообще монокультура хлопка еще не испортила земледелие Узбекистана и Таджикистана. Посетил близко лежащий Самарканд, тогда туризм и новостройки еще город не испортили. В Самарканде видели Ремпеля, известного ученого, высланного в условиях культа в Самарканд. Позже он занялся успешно искусством Средней Азии (это был 1947 год).

В Пенджикенте я убедился, что я к сожалению не тип ученого. Нет во мне упорства и усидчивости. Я могу собирать материал, а на его обработку у меня терпения не хватает. В Питере учеба продолжалась, но Восток перестал быть излюбленной темой. Конфликт у меня назрел перед защитой диплома. Я выбрал эстонское искусство, и темой утвердили Коорта. Но моя руководительница Изабелла Гинзбург неожиданно от руководства отказалась. Коорт, оказывается, был подозрителен, так как высекал скульптуры в камне. А камень якобы излишне упрощает форму и нарушается реализм. Вот до какого идиотства доходили в те годы (1949). Гинзбург предложила Кёлера - всё же академик. Я не захотел. Тогда меня спас Валентин Бродский, который взялся руководить и благополучно довел меня до диплома. Зато Гинзбург покрыла мою рукопись бесконечными поправками и замечаниями, мстила! Ведь я был довольно поверхностный автор и в дальнейшем мои редакторы мучились с моими текстами.

В Ленинграде я время проводил довольно неясно. Влюбился в Наташу Шиперович, своеобразную девицу. Я ей нужен был, чтобы скрывать перед родителями свои романы с некоторыми мужчинами-бабниками - она была женщина темпераментная. После Наташи была красавица Деля, здесь тоже ничего путного не получилось. Вообще я был труслив, и поэтому мои ухаживания обычно кончались ничем. Инна может об этом рассказать. Компания, среди которой я вращался была та же, которая была в Ташкенте. Это был Гриша Израилевич, архитектор, тогда студент Академии, очень своеобразный человек, богема и бабник, Хиля Левина, будущий директор БАН (Библиотека академии Наук), Нина Клупт, других я просто забыл, у меня дырявая память.

Из сокурсников одно время дружил с Левиным, человеком постарше, учившим детей изоискусству во Дворце пионеров, Таней Соколиной, Мусей Корпенко, сестра которой, Ольга Крупникова, до сих пор держит со мной контакт, у них дача в Раннамыйза. Все эти старые знакомые, с которыми после установления границы между Эстонией и Россией я потерял контакты. Гриша Израилевич недавно умер.

В Ленинграде была Филармония, которой руководил Мравинский. Я довольно регулярно посещал концерты. Помню концерт, на котором Мравинский дирижировал 7 симфонией Шостаковича, после окончания исполнения он размахивал партитурой, ему устроили овацию, за что ему потом попало от начальства, но сошло. Я был тогда невежественен по отношению к русской культуре и не до конца понимал восторг слушателей. Как не понимал моих сокурсников, которые навещали Ахматову и Пастернака, когда тот бывал в Ленинграде.

Я теперь понимаю, что по сравнению с соучениками был мало образован, ведь я окончил еврейскую школу в Таллинне. На Шолем-Алейхеме с Менделе Мойхер-Сфорим особенной культуры не наберешься. А к поэзии у меня вообще склонности нет.

Я отношусь к своим способностям скептический. Каргер мне говорил, что у меня слабо

развита фантазия, при хорошей памяти, а ученым быть без фантазии невозможно. Я в этом в дальнейшем убедился.

Таллинский институт

Мой коллега Бернштейн написал блестящие воспоминания о Таллинском институте, и на этом можно было успокоиться. Но дополнить можно. Любопытно, что поколение, родившееся до первой мировой войны, было более жизнестойкое и солидное, чем наше. Посмотрите, в учительской, которая находилась на месте современной бухгалтерии, общались живописцы Иоханнес Грениберг, и Аугуст Янсен, график Гюнтер Рейндорф, Паул Лухтейн, универсал Адамсон-Эрик (хотя и любопытный художник, но неприятный человек), архитекторы Аугуст Волберг, Эдгар Куузик и Эдгар Вельбри, прикладники Аугуст Ханзен, Аделе Рейндорф. Макс Роосма, театральные художники Волдемар Хаас, Наталия Мей, более молодые Эвальд Окас, Ало Хойдре и другие. Это была очень солидная компания. Сейчас просто непонятно, кто институтом руководит. Но эпоха другая. В век цифровой информации очевидно тип человека другой.

В институте царила какая-то домашняя атмосфера. Всё было налажено, шло своим чередом. На графике работал Ханс Трейман (Treumann), блестящий книжник, выпускались уникальные библиофильские книги. Институт ими гордился. Кожа славилась переплетами. Так как школа была маленькая, все всех знали. Конечно, наши светила были со штучками, индивидуумы. Зато вечера, которые устраивала Наталья Мей, были веселые, с капустниками, сейчас просто удивляешься, как в культовые времена такие довольно острые сценки проходили без последствий. Очевидно, не так страшен черт..., но в Эстонии интеллигенция сумела создать свою атмосферу. Было «Ку-ку», где люди напивались и шпарили правду-матку. Очевидно местные власти, в особенности Иоханнес Кябин, видели здесь отдушину, которая работала исправно.

Я, конечно, человек тех лет и судить не имею права, но мне, при всех минусах, художественная школа тех лет нравилась больше, чем современная, Она была наивнее, проще, что подходит моему характеру.

Любопытно, как отразилось пребывание латышских и литовских студентов на жизнь Института. Хвалить надо литовцев. Очевидно то, что Литва является католической страной, способствовало развитию творческой фантазии, дало всплеск композиционного разнообразия. В коже, которая раньше застыла в добропорядочном застое, появились динамичные композиции, разные фольклорные темы. То же самое в металле, стекле. Всё это вывело прикладное искусство из узких рамок традиционных сюжетов и солидной скуки. С латышами сложнее. У них какой-то странный вкус, особенно в цвете. Поэтому латыши пожалуй меньше влияли на общее состояние.

Великое благо был организованный Варесом обмен студенческими группами между Институтом и социалистическими странами. Больше всего запомнилась поездка в Halle ГДР. Там находится наследник Bauhausa Burg Giebichenstein, старая крепость над рекой Raale. Мы подружились с побывавшим в Эстонии профессором Kieser'ом. Мы их принимали в Эстонии, а он соответственно в Halle. ... Поездка в ГДР дала нам возможность познакомиться кроме Halle с Лейпцигом, откуда ювелирша Корнелия Роне (Rohne), тогда еще студентка Бурга, совершенно очаровательный человек. Кроме Лейпцига мы побывали в Веймаре, где в бывшем помещении Баухауза разместился архитектурный институт, плохой и скучный. Вообще, немецкая современная архитектура скучная, в этом я убедился, посетив западногерманский технологический институт - архитектурное отделение. Его профессора Юля знает. После Веймара Harz-Quedlinburg с замечательным фахверком, Наумбург, с знаменитым собором, Магдебург, Дрезден, Дессау с тогда еще неотреставрированным зданием Bauhaus'a, наконец Потсдам, Берлин и т.д.

Поездка в Словакию была менее воодушевляющая. Нас принимали вместе с Киевскими студентами. Те были совершенно доведены советским воспитанием, яркие комсомольцы, преподаватели настоящие кретины. Но видели много. В особенности поездка по Карпатам и в завершение Прага. Честно, в Словакию я никогда не хотел бы ехать. ... Их столица Братислава, бывший Pressburg, милый, но незначительный город. В общежитии царил беспорядок, а их руководитель обмена просто фашист, делал мне гадости, т.е послал обменную группу в Таллинн на день раньше нас, чтобы нам нагадить, их никто не встречал.

Хорошая поездка была в Венгрию, в Будапешт. Жили в вилле в Пеште вместе с Мари Адамсон, ездили на Балатон, на Дунай, в Эстергом. В Будапеште тогда жил Сима Маркиш, встречались. Кроме того, в Будапеште живет Ира Путолова, моя старая симпатия.

Будапешт роскошный город с прекрасным Юендом.

Станным было мое пребывание в Польше в Кракове, где я был два раза, второй раз с лекциями вместе с двумя эстонскими преподавателями. Эти господа, конечно, устроились в центре города, а меня поселили в студенческом общежитии далеко от центра. В Польше была разруха, это до развала социалистической системы. Поездка по обмену была еще ничего, а вот вторая поездка происходила в тревожной ситуации. Я даже попал под газовую атаку, когда полиция разгоняла демонстрацию. С едой были трудности. Сами поляки мне не особенно понравились, надменные, явно антисемиты (это в кругах интеллигенции), верующие. Когда всё строительство стояло, строили усердно церкви и красиво строили. Если подытожить поездки с обменными группами, то самым приятным было пребывание в ГДР, а затем в Венгрии. Подробнее о поездках писать не буду, так как это было бы описание туристских поездок. В первый раз в ГДР были с Сарой, второй - по приглашению Kieser'a с Юлей.

Ездил я по линии Союза Художников во Францию и Италию. В этих поездках было противно большое количество «подобранных» людей, но в отличие от обыкновенных групп всё же несколько большая свобода передвижения. Сами по себе поездки были замечательные. Французский маршрут: Париж. Ницца, побережье Средиземного моря. Итальянский: Милан, Венеция, Флоренция, Рим, Неаполь, Помпеи, Капри. Самое сильное впечатление во Франции Сен-Шапель в Париже, Тайная Вечеря Леонардо в Милане. Венеция - вообще. А эти поездки показали, что можно делать из людей. Советские люди были больно противные, особенно если их пропускали через сито. Прибалтика почему-то проходила легче, хуже всего было с москвичами. А Московский союз художников был блатным местом. Там царствовали референтки, к которым хороший подход нашел Бернштейн, ему давали возможность ездить в индивидуальном порядке. Варес также находил подход к московским дамам. Обо всем этом можно было писать подробнее, но лень. Конечно в «историческом плане» это интересно, но бог с ними.

Искусствознание.

Писать я начал с середины 50-х годов. К сожалению, моя учеба в Институте Репина не научила меня писать. Требовательность была низкая и я до сих пор не смог избавиться от налета дилетантизма. Когда я себя сравниваю, например, с коллегой Бернштейном, я это особенно хорошо чувствую. Он учился в университете, где была высокая требовательность, и его научили науке. Мы в Институте Репина соприкасались с искусством, хотя и плохим, например, от нас требовалось писание картины маслом, грунтовать холсты, составлять клеи и т.д. Конечно, у меня это получалось неважно, я вообще попал в искусство случайно, так как у меня не было особых склонностей. Ведь в первый советский год я попал в Политехнический институт на горный факультет. Толку не было. К искусствознанию я приобщился просто соприкасаясь с искусством. Чувствовать стал только постепенно, глаз стал опытный. Но сравнить себя с хорошими искусствоведами не могу. Мой постепенный переход к архитектуре связан именно с неспособностью глубже проникаться живописью или графикой. Несколько лучше дело обстояло со скульптурой. Но в конечном счете, и это совершенно искренне, я не дотягиваю до хороших коллег. Несколько лучше дело обстоит с лекционной работой. Я читал публичные лекции в Университете культуры довольно бойко, хотя и поверхностно. Аудитория была соответствующая, в основном пожилые дамы. Чем я обладал, так это пониманием круга интересов моих слушателей и я составлял циклы лекций довольно удачно и привлекал интересных лекторов. В институте я читал тоже бойко и поверхностно, но студентам больше и не нужно. Мне даже кажется, что в художественном Вуз'е и не нужны глубокие и основательные лекции, они забивают будущим художникам голову, а их фантазия должна свободно играть. Бернштейн был блестящий лектор, но мне кажется, что он навязывал студентам свою точку зрения, развивая в них склонность к теоретизированию. Как ученый Бернштейн конечно непревзойденный. Статьи писал я в основном для "Sirp ja Vasar". Там была редактором Ресси Каэра, надо сказать первоклассный редактор. У меня получались лучше полемические статьи, они

соответствовали моему бойкому и поверхностному перу. Такие статьи встречались благосклонно и я получал награды «Сирпа». Как я теперь понимаю, рецензии на выставки были поверхностные и писались скорее с консервативных позиций. Мои коллеги Эви Пихлак и Май Лумисте писали лучше. Во всяком случае я соответствовал требованиям начальства и никогда к оппозиции или диссидентам не принадлежал. Поэтому молодое и боевое поколение художников ко мне относились безо всякой симпатии. Сейчас в перспективе многих лет мне кажется, что мой консерватизм был полезен, так как искусство двинулось в такие дебри, что не дай бог!, но в условиях социалистического реализма отстаивать это занудство в общем стыдно. В свое оправдание могу сказать, что в Эстонии социалистический реализм никогда не достигал таких вершин идиотизма, как в России, где и сейчас популярны Шилов и Церетели. Когда я бывал в Москве, в особенности в Академии Художеств, я приходил в ужас от затхлой атмосферы, но это не оправдание.

Как я уже выше отмечал, лучше дело обстояло с архитектурой. Здесь я был на прогрессивных позициях, и недаром я перешел на архитектуру.

Искусствоведение и критика.

Мне кажется, что в наши дни следует заниматься историей искусства, критика стала заумной, также как и искусство. Набрался определенный набор фраз, который должны объяснить то, что объяснять невозможно. Мне кажется, что современное искусство необъяснимо, кроме автора его никто просто понять не может и поэтому критик довольствуется набором фраз, которые годятся на все случаи. История искусства солиднее. Моя главная ошибка в качестве искусствоведа в недисциплинированности. Мои коллеги Карин Халлоп и Март Калм знают в общем не больше меня, но у них материал систематизирован, снабжен необходимым аппаратом, у меня аппарат неаккуратный, неполный, небрежный - налет дилетантизма был мне всегда присущ. Это при довольно посредственных данных. Это объективно. Моя первая монография «Коорт» к сожалению начата в Ленинграде в качестве дипломной работы. Список работ составила дочка Коорта Туй, я бы с этим не справился. В монографии из-за «Ленинграда» слишком много идеологии, мне на защите за это здорово попало, и поделом. Хотя как посторонний наблюдатель, я был в чем-то прав. Kultuurikapital распределял суммы на покупки работ достаточно субъективно, Янсен. как руководитель, давал своим. Но всё равно то, что шло после Коорта, было фрагментарно, как, например, главы об эстонской архитектуры второй пол. 19 века по 1940 и, к сожалению, о советской архитектуре для II тома эстонского искусства, очень поверхностно написано. Самая серьезная работа это «Карл Бурман». Хотя и здесь явно слаб фон, особенно /нрзб/листорическое развитие архитектуры начала 20-го века.

Человек я ленивый, поэтому список научных работ недопустимо короткий. Я свою лень прикрывал различными уловками - писал статьи, читал лекции, участвовал в общественной жизни и казалось, что я активен, в сущности это была военная хитрость лентяя. Причем это не кокетство, а истина. Сидел в кафе, трепался в «Ку-ку», лишь бы не сидеть за письменным столом.

Мне еще повезло тем, что ко времени моего приезда в Эстонию, количество искусствоведов было ограничено. Кроме того, музейные работники лекции не читали. Лектором был мой коллега Leo Soonraa, Боря Бернштейн, читала Helene Kuma, на мой взгляд не очень. А теперь хороших лекторов много и при этом высоко квалифицированных. Чего стоит один Jaak Kangelaski, искусствовед международного уровня.

Кроме того, если в прошлом историки искусства занимались, в основном, старой архитектурой (во главе с Helmi Urgus и Villem Raam'ом), то теперь, особенно после учреждения Архитектурного музея, современностью стали заниматься многие. Т.е. в принципе мне еще повезло, современную конкуренцию я бы не выдержал, кроме того еще в Эстонии.

Все награды, которые мне присудили, скорее дань случая, просто мне повезло, я попал в престижные коллективы. «Бурман» нашел Publicity благодаря красивому оформлению Каагма. Эти пессимистичные строчки - истина, я здесь вполне искренен. В снисхождении я не нуждаюсь.